

Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций*

Татьяна Анатольевна

ГУЖАВИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0636-7690; ResearcherID: R-4871-2017

Аннотация. Коллективные действия по своей сути представляют собой основу социального взаимодействия. Коллективное действие трактуется как некая система организованных индивидуальных, входящих в группы, имеющие определенную степень организации. Особенностью коллективных действий является тот факт, что в них той или иной форме вовлечены практически все люди. Одним из первых социологов, начавших исследование коллективных действий, стал М. Вебер. Именно он обозначил коллективное действие как социальное. При изучении потребительского поведения экономисты также обратили внимание на коллективные действия людей (Э. Остром). Итогом стали концепция социального действия в социологии, теория коллективного действия в экономике. В дальнейшем круг исследователей и изучаемых проблем в контексте коллективного действия только расширялся. К экономистам и социологам присоединились психологи, политологи, антропологи, биологи и др. Теория коллективного действия позволяет объяснить достаточно широкий круг явлений из области социальной жизни. С данной концепцией тесно связана теория социального капитала, возникшая на стыке экономической и социальной науки. Социальный капитал представляет собой фактор, обуславливающий интенсивность, результативность и массовость коллективных действий. Однако и сам социальный капитал формируется под воздействием коллективных действий. В зарубежной науке проблематика коллективных действий и социального капитала рассматриваются как взаимосвязанные.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» № 20-011-00326 А.

Для цитирования: Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11

For citation: Guzhavina T.A. Collective Actions and Social Capital: Implication of Concepts. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no.1, pp. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11

В отечественной социальной науке этот союз еще должен состояться. Теория социального капитала имеет зонтичный эффект, позволяющий осуществить поиск возможностей теоретической и методологической интеграции компонентов социального капитала и форм коллективных действий. Цель данной статьи: на основе обзора основных направлений исследований социального капитала и коллективных действий в научной литературе показать наиболее перспективные точки их соприкосновения для изучения социальной реальности в российских условиях. В качестве таковых обозначены исследование субъектов коллективных действий, трансформация их целей, обогащение репертуара за счет возникновения новых практик и использования виртуального пространства. Важным аспектом выступает среда реализации коллективных действий, формирующая их целевую направленность. Импликация концепций социального капитала и коллективных действий должна позволить выявить аспекты взаимовлияния между ними.

Ключевые слова: коллективные действия, субъекты коллективных действий, репертуар коллективных действий, социальный капитал, типы социального капитала, социальная реальность.

Постановка проблемы

Коллективные действия являются разнообразностью социальных действий и представляют собой значимый феномен социальной жизни. Они образуют основу сообществ людей, включены в повседневную жизнь любого человека. Коллективные действия весьма разнообразны и охватывают практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Среди них общественные движения, электоральное поведение, членство в группах по интересам, управление общим имуществом, взаимодействие при отстаивании коллективных интересов, противоборство, поклонение кумирам и т.д. Несмотря на достаточно давний интерес к этому социальному явлению, проблема коллективных действий продолжает оставаться актуальной. В силу того что теории коллективного действия (collective action theory) объясняют широкий круг явлений, связанных с достижением общественных (коллективных) благ (public goods), они занимают важное место в социальных и гуманитарных науках. В последние десятилетия наблюдается как распространение самих коллективных действий, так и рост интереса к их исследованию, что во многом связано с изменениями, порожденными глобализацией социума, расширением зоны постиндустриализма, нивелированием большинства существующих между народами различий, что порождает идентичные практики. Коллективные действия охватывают все более разнообразные сферы социума, а развитие цифровых информационно-коммуникативных систем облегчает взаимодействие акторов, позволяет расширять

число участников. В социологической традиции коллективное действие определяют как «совместные действия (или бездействие) людей, преследующих общие интересы» [1]. В современной трактовке коллективные действия трактуются как система организованных индивидуумов, входящих в определенной степени организованные группы [2].

При этом репертуар действий может быть весьма разнообразным. Наиболее заметны открытые действия прямого характера, такие как массовые митинги, шествия, забастовки, пикеты, флешмобы [3]. С возникновением новых коммуникационных возможностей получают распространение и не прямые действия в виде петиций и обращений, открытых писем, интервью и видеообращений, рассылки информации, обмена новостями, используются виртуальные дискуссионные площадки и т.п. Рост числа коллективных действий в последнее десятилетие может служить как свидетельством роста не решаемых правительствами и элитами социальных проблем, так и показателем роста субъектности индивидов в самых разных по уровню развития, культурным традициям и историческому наследию обществах. Примером может служить тот факт, что только в нашей стране за период 2017–2018 гг. было зафиксировано более двух с половиной тысяч коллективных действий с использованием способов прямого действия. Большая их часть реализовывалась в форме протестных акций, направленных на привлечение внимания к социально-экономическим, экологическим, трудовым и другим

проблемам, волнующим российских граждан¹. Международные события последних лет также свидетельствуют о высоком уровне коллективных действий. Достаточно вспомнить движение «желтых жилетов» во Франции² или события в Чили³. ООН отмечает рост протестных движений по всему миру⁴.

Исследование коллективных действий возможно на основе различных концептуальных оснований. Чаще всего используются теории коллективного действия, относительной депривации, рационального выбора, мобилизации ресурсов, новых социальных движений. При этом концепция социального капитала оказалась менее востребованной. Цель данной статьи — показать эвристические возможности синтеза концепций социального капитала и коллективных действий для объяснения собственно самого явления коллективного действия.

Социальный капитал: основы концепции

К концу XX столетия в области социальных наук сформировалось мощное научное направление, обозначенное популярной и удачной метафорой «социальный капитал». Данный концепт, трактуемый в контексте социальных связей, влияющих на личные взаимодействия, успешно используется для объяснения множества явлений. Существует значительное количество публикаций, доказывающих, что социальный капитал имеет значение для понимания существующих на групповом и индивидуальном уровне различий, а также, что политические решения должны приниматься с учетом их воздействия на социальный капитал сообществ. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований, однозначной трактов-

ки социального капитала не сложилось. Более того, существует мнение, согласно которому излишне оптимистично считать, что вообще возможно создать единую концепцию социального капитала, способную объяснить процессы в таких разнообразных областях социума, как экономика, политика, социальная сфера [4]. Правильнее было бы считать, что социальный капитал — это понятие, способное объединить, с одной стороны, разрозненные, с другой — взаимосвязанные научные исследования, способное к формированию междисциплинарных исследований.

Первые упоминания о социальном капитале в работах Л. Ханнифан, Д. Джейкобса носили скорее метафорический характер. Принципиальный вклад в формирование концепции, внесенный Дж. Коулманом, Р. Патнемом и П. Бурдые, позволяет считать данных исследователей классиками концепции. Дж. Коулман и Р. Патнем сделали акцент на ценностях и сетях, П. Бурдые обратил внимание на проблемы неравенства и социальной справедливости.

Сама концепция появилась благодаря сравнительному исследованию регионов. Р. Патнем и Дж. Хеллиуэлл на основе сравнительного анализа экономических показателей регионов смогли выявить различия в их развитии [5]. Главным итогом исследования стал вывод о наличии в районах Северной Италии тесной взаимосвязи между властными структурами и структурами гражданского общества. Позднее Р. Патнем рассмотрел ситуацию и в американском обществе, где отметил снижение запасов социального капитала [6]. Ослабление социальных связей, считает ученый, ведет к тому, что американцы все менее склонны принимать участие в деятельности различных общественных объединений, снижается их избирательная активность, сокращается число членов профсоюзов, слабее становятся соседские связи, разрушается система образования и т.п. Он пришел к выводу, что потери социального капитала могут негативно повлиять на возможность процветания американского сообщества.

Патнем использовал концепцию социального капитала, чтобы пролить дальнейший свет на это различие в выполнении гражданских обязанностей. Он утверждал, что «социальный капитал относится к свойствам социальной организации, таким, например, как доверие, нор-

¹ Рост протестной активности в России: результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг./ Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2018/11/pdf> (дата обращения: 10 августа 2019 г.).

² «Желтые жилеты» поддержали протестующих в Чили // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7049801> (дата обращения: 28.10.2019).

³ Почти 900 тысяч чилийцев пришли на акцию протеста в Сантьяго // <https://rg.ru/2019/10/26/pochti-900-tysiach-chelovek-prishli-na-akciiu-protesta-v-stolice-chili.html> (дата обращения: 26.10.2019).

⁴ В ООН отметили рост протестных движений по всему миру. https://ria.ru/20191025/1560222133.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 26.10.2019).

мы, сети взаимоотношений, которые могут повысить эффективность общества посредством облегчения координированных действий» [6]. Поскольку социальный капитал способствует коллективным действиям, укрепляет нормы, необходимые для взаимодействия, обеспечивает возможности для получения и распространения информации, в том числе о репутации членов сети, Патнем характеризует его как воплощение положительных результатов предыдущих совместных действий, а также как модель для будущего сотрудничества. Итак, Патнем определил сети взаимоотношений, нормы и доверие как базовые составляющие социального капитала. По его мнению, суть теории социального капитала заключается в признании ценности сетей взаимоотношений и влияния контактов на результативность взаимодействия между индивидами и группами.

Вклад Р. Патнема в концепцию связан и с началом его структурного анализа. На основе выявленных функций он выделил разные типы капитала. Первый тип, бриджинговый или перекрывающий, ориентирован на объединение людей, на создание ими широких связей, выходящих за пределы группы. Второй тип, бондинговый или ограничивающий, ориентирован на создание прочных групповых связей, ориентированных на укрепление идентичности, однородности объединения. Выделение этих типов имеет важное смысловое значение, поскольку каждый тип порождает совершенно разные внешние эффекты. В первом случае формируются сети, объединяющие разных людей, и эффекты скорее будут положительными, а во втором — объединяющие людей схожих. Эффекты здесь будут менее существенны и выше риски возникновения отрицательных последствий [6]. Подобное различие в типах было замечено и другими исследователями. В частности, М. Гранновetter выявил сильные и слабые связи, считая последние наиболее результативными, например, для поиска работы, поскольку они делают более доступной необходимую информацию [7]. Слабые связи создают условия для эффективного обмена информацией и облегчают возможность осуществления коллективных действий. Существует и иное видение структуры социального капитала. Ф. Пичлер и К. Уоллес предложили выделить формальный, неформальный и семейный его типы [8].

В их трактовке формальный социальный капитал основан на обобщенном доверии и участии в НКО, неформальный возникает из связей с родными, друзьями, коллегами. И, наконец, семейный тип означает сильную ориентацию на семью и получение помощи от нее.

Социальный капитал у П. Бурдьё предстает как одна из форм совокупного капитала [9]. Он выделял его наряду с экономическим капиталом, который считал основным, но понимал как совокупность ресурсов, реальных или потенциальных. По мнению П. Бурдьё, данная форма капитала может существовать только в «практическом состоянии», в форме обмена, что способствует его поддержанию. Социальный капитал может быть замечен на уровне отдельных агентов, но проявляет себя только во взаимодействии, на уровне связей. Но он становится наиболее заметен, «когда различные индивиды получают слишком неравные прибыли при практически равном капитале (экономическом или культурном)» [9, с. 66]. П. Бурдьё признавал значение связей отдельного индивида («объем его социального капитала»), представленных числом знакомств, которые можно в дальнейшем использовать. Индивидуальный социальный капитал в такой форме требует инвестиций, выражаемых в поддержке контактов [9, с. 67]. Целью поддержки, считает П. Бурдьё, становится преобразование случайных контактов, возникающих в среде знакомых, родственников, коллег по работе, в такие социальные взаимоотношения, которые прямо могут быть использованы в ближайшее или будущее время. «Эти отношения могут непосредственно задействоваться в кратко- или долгосрочном периодах времени, когда происходит трансформация случайных связей (например, в случае отношений на рабочем месте, отношений соседства или даже родства) в связи, которые одновременно и обязательны, и избирательны и предполагают длительные обязательства, ощущаемые на субъективном уровне (например, чувства благодарности, уважения, дружбы и т.д.) или гарантированные институционально (права)» [9, с. 67]. Исследуя социальный капитал, П. Бурдьё выходит на проблематику социального неравенства, которое ее и формирует, и закрепляет. Н. Лин также выделил два социальных механизма, сохраняющих неравенство при распределении социального капитала. Первый

из них связан с неравным доступом к ценным общественным ресурсам (деньгам, влиянию, информации), что обусловлено разными позициями в социально-экономических иерархиях. Второй же основан на социально-психологической тенденции к формированию круга контактов с теми, кто имеет схожие характеристики (пол, образование, ценности, установки, социально-экономическое положение). В совокупности эти механизмы поддерживают имеющиеся неравенства [10].

Дж. Коулман использовал иной подход к трактовке социального капитала, который можно охарактеризовать как ресурсный. Для него социальный капитал – это «...совокупность ресурсов, свойственных семейным взаимоотношениям и общинной социальной организации, которые могут быть полезны для познавательного или социального развития детей или молодых людей. Эти ресурсы различны для разных людей и могут составлять важное преимущество для детей и подростков в развитии их человеческого капитала» [11]. В ресурс социальный капитал превращает наличие в нем доверия как ожидания взаимности. В свою очередь это создает для индивида перспективы включения в более широкие сети взаимодействий, в основании которых лежат общие ценности. Ресурсом, в частности, является «верность слову», «уровень доверительности». Это позволяет также трактовать социальный капитал как общественное благо, доступное всем, кто входит в соответствующую структуру, а не только тем, кто предпринимает действия для реализации своего капитала [11]. Он своего рода «побочный продукт» человеческой активности. Концепцию социального капитала Дж. Коулман применил и для исследования механизмов сотрудничества, особенно при поиске возможности выбора стратегии кооперации вместо конкуренции [12].

Концепция социального капитала активно используется для различных исследований. Широко представлен в ней региональный контекст. Так, С. Панебьянко использовал ее для изучения немецких регионов [13]. Л. Блюм и Д. Зак показали влияние паттернов социального капитала на темпы и характер экономического роста в Западной Германии [14]. Дж. Каллуа и Б. Шмитт [15], анализируя данные по

сельским районам Франции, опирались на концепцию социального капитала. Й. Дзялек [16] дал описание пространственных структур выявленного социального капитала в Польше. На европейском материале (данные Всемирного исследования ценностей) С. Нэк и П. Кифер, Р. Ла Порта проанализировали взаимосвязь между доверием и темпами экономического роста ряда стран, выявив взаимосвязь между данными показателями [17; 18]. Проблематика социального капитала продолжает расширяться и тематически, и географически. Так, проводятся комплексные исследования социального капитала в американском обществе, в Британии [19; 20]. Есть и другие аналогичные исследования странового характера [21]. Уделено внимание проблемам взаимосвязи социального капитала и других его видов, влияния на решение экономических и экологических проблем [22; 23; 24].

Преимущества социального капитала достаточно хорошо проанализированы на микро-, мезо- и макроуровне. Так, микроуровню данного феномена были посвящены труды С. Мура, С. Даниела и др. Социальный капитал на микроуровне рассматривается ими как качество или свойство индивида [25]. Мезоуровень социального капитала ученые определяют как социальный капитал организации или группы или общности [26]. Ряд исследователей обозначают его как «корпоративный социальный капитал», трактуя корпорацию расширительно [27]. Роль и значение социального капитала для устойчивого развития общества в целом рассматривается на макроуровне. Так, например, Г. Лоури интерпретирует социальный капитал в контексте рыночных отношений, обращая внимание на его инвестиционные составляющие [28]. Экономическую ценность социального капитала для развития общества отмечает Ф. Фукуяма [29].

Признание того факта, что социальный капитал облегчает решение проблем коллективных действий, стало сегодня устоявшейся позицией. Это связано с тем, что данное понятие имеет своим фундаментом идею, что социальные отношения и социальные нормы могут предоставить доступ к ценным ресурсам, способным улучшить благосостояние людей, семьи, сообществ или даже регионов или стран [30; 31].

Так, например, в сфере политики граждане, опираясь на обобщенное доверие и другие гражданские установки, объединяются в социальные и политические группы, что дает им возможность спланировать для реализации гражданских инициатив. Исследования показали, что эффекты социального капитала, безусловно, порождают социальные выгоды для индивидов. Тем самым была установлена прямая связь между определенными аспектами социального капитала и крупномасштабными результатами социального развития. Прежде всего, это касается экономического роста [32, 33; 34], снижения уровня преступности [35], роста ответственности власти перед обществом [36]. Э. Остром, будучи одной из создателей теории коллективных действий, утверждает, что «социальный капитал — это общее знание, понимание, нормы, правила и ожидания относительно форм взаимодействия, которые группы индивидов приносят в повторяющуюся деятельность» [37].

Коллективные действия: теоретический анализ

Исследовательский интерес к изучению коллективных действий имеет глубокие корни в истории науки. Поскольку человеческое общество всегда предполагало коллективное поведение и коллективные действия, то упоминания о них, попытки описания и анализа мы можем найти в трудах мыслителей различных исторических эпох. Однако собственно научный подход к изучению феномена коллективного действия следует искать в истории экономических и политических исследований периода становления индустриализма. В классических теориях можно найти немало интересных суждений относительно природы коллективных действий. Многие исследователи этого периода пытались объяснить, как структурные изменения порождали паттерны коллективных действий, как их формированию способствовали индустриализация и развитие торговли, урбанизация и концентрация населения, изменения в политической системе и в системе законодательства, новые и старые идеологические течения и т.п. Подобные попытки можно обнаружить в трудах исследователей поведения «экономического человека», направленного «невидимой рукой рынка» на достиже-

ние личного и общественного блага (А. Смит, И. Бентам, Дж. Милль, К. Маркс, Т. Веблен и др.). Отличительной особенностью взглядов данных мыслителей является понимание ими коллективных действий как продукта структурных изменений, происходящих в определенной институциональной среде. Именно институты выступают в качестве коллективного субъекта, действия которого носят рациональный характер. Институциональный подход в дальнейшем стал основой парадигмы коллективных действий.

Не случайно, что в число современных исследователей коллективных действий одним из первых вошел экономист, представитель неинституционалистского направления М. Олсон [38]. Он выявил и охарактеризовал связи между коллективными действиями и материальными благами, а также связал возможность/невозможность коллективного действия с характером получаемого в его результате блага. Как выяснилось, имеет значение тип блага, по поводу которого совершается коллективное действие. Им же была обозначена проблема «безбилетника», получающего общедоступные блага, но уклоняющегося от участия в коллективных действиях. М. Олсон считает важным условием обеспечения коллективного блага имеющиеся у индивида представления об этом благе. При этом воздействие конкретного индивида на представление о данном благе в границах большой группы малозначимо для общегруппового представления, тогда как возможность влияния зависит от личного вклада или издержек индивида при создании блага. По мнению М. Олсона, вклад индивида должен поощряться и размер поощрения должен быть связан с размером вклада.

Исследование проблемы продолжила Э. Остром (нобелевский лауреат), стремясь определить и качества благ, и институциональные образования, которые сопровождают пользование данными благами. Э. Остром выделила ряд факторов, способствующих, по ее мнению, возможности коллективного действия. Она отнесла к ним «...число участников, тип получаемого блага, гетерогенность участников, необходимость коммуникации „лицом к лицу“, форму производственной функции, наличие информации о прошлых действиях, способ связи

между индивидами и возможность индивидуального выхода» [39]. Её значительный вклад в теорию коллективных действий связан с обоснованием значения правил и норм для данного вида социального действия [40]. В дополнение к правилам и нормам была установлена и роль нематериальных стимулов для коллективных действий. Так, К.Д. Опп в исследовании [41] на основании эмпирических данных показал значение для участников коллективных действий такого фактора, как сопричастность к группе.

Дальнейшее развитие теории коллективных действий связано с включением в их объяснение категории идентичности, ставшей значимой переменной в теории. Это дало возможность выявлять то, как актер идентифицирует себя с группой [42]. Важный аспект теории представляет и тезис о приобретении актерами в процессе участия субъектности. Эффект дает себя знать в осознании права голоса, в требованиях учета интересов при принятии решений [43]. В качестве условия коллективных действий исследователи фиксируют необходимость свободы и институциональных возможностей для начала действий данной категории [44].

Постепенно сформировались достаточно устойчивые концепции, позволяющие анализировать как существовавшие, так и возникающие коллективные действия. Мощный толчок развитию теории дали социальные процессы, имевшие место в 80–90-е годы прошлого столетия. Для этого времени характерна институционализация многих общественных движений, приобретение ими четких организационных форм, что выразилось в создании множества некоммерческих организаций, ставших основой гражданского общества и получивших возможность инициировать коллективные действия. Значительный вклад в развитие парадигмы коллективного действия внесли Дж. Мак-Картти и М. Залд. Они трактуют коллективные действия как «совокупность мнений и представлений людей, в которых выражено стремление к изменению социальных институтов или социальной структуры общества» [45]. Они же предлагают термин «контрдвижение», понимая его как «совокупность мнений и убеждений, имеющих противоположную движению направленность».

При исследовании организационных форм социальных действий ученые отмечают их сетевой характер. Было замечено, что подавляющая часть участников коллективных действий имели различные социальные связи с другими участниками, что способствовало их вовлечению [46].

Серьезный вклад в исследование форм коллективных действий внес Ч. Тилли, обогативший теорию категорией «репертуар коллективного действия» [1]. Под репертуаром он понимает различные способы совершения коллективных действий, относя к ним шествия, собрания, митинги, пикеты, забастовки, обращения, петиции и т.п. Репертуар складывается под влиянием институционального и культурного контекста, накопленного опыта, традиций и исторических обстоятельств места и времени развертывания событий и т.п. Изучение репертуара действий полезно и актуально, поскольку по мере развития общества, переживания им таких катаклизмов, как революции, войны, по мере изменения форм правления во все большем количестве стран и расширения в них демократических тенденций, формирования структур гражданского общества возникали и новые паттерны коллективных действий. А вслед за этим углублялось и научное познание данного феномена, формировались новые концептуальные подходы, свидетельствующие о том, что социальная активность имеет различную природу.

Коллективные действия и социальный капитал

Теории коллективного действия и социального капитала выступают сегодня неотъемлемыми частями объяснений человеческого поведения и применяются к широкому кругу различных явлений. Концепция коллективных действий объясняет социальные движения, акции протеста, электоральное поведение, членство в группах интересов. Она продуктивна при анализе волонтерства и политических акций в отсутствие заинтересованной группы или координаторов, востребована при понимании принадлежности к широкому кругу онлайн-организаций вне формальных процедур и стимулов «членства», а также при объяснении личных, добровольно вносимых для общего пользования информационных «благ» посредством соз-

дания веб-контента и т.п. Одним из фокусов ее развития стало обсуждение «проблемы коллективного действия», возникающей в связи с искушением иждивенчества, которое может воспрепятствовать взаимовыгодным коллективным усилиям.

Современная теория социального капитала говорит о причинах сотрудничества и его избегания в ситуациях коллективных действий. С опорой на данную концепцию анализируются самые различные аспекты социальной жизни. Исследователи уделяют внимание проблемам устойчивого развития, взаимосвязи социального капитала и других его видов, значимости регионального и локального социального капитала как фактора выживания в ситуации экономических структурных кризисов, решения экологических проблем. Разнообразие изучаемых вопросов свидетельствует о наличии значительного эвристического потенциала концепций, что привело к формированию идеи о необходимости синтеза двух концепций, о чем одной из первых высказалась Э. Остром [37].

В зарубежной литературе наблюдается определенная кооперация концепций коллективного действия и социального капитала, что позволило расширить и разнообразить репертуар изучаемых вопросов. Достаточно много публикаций посвящено экономическому подходу к рассмотрению взаимосвязи социального капитала и коллективных действий. Коллективные действия рассматриваются в рамках теории институциональных изменений [47], неоинституциональный подход используется при изучении стратегий коллективных действий [48], исследуются коллективные действия в связи с кооперацией [49]. В основном же рассматриваются проблемы управления окружающей средой (экологическая экономика) [50]. Чаще всего исследования построены на примерах практик взаимодействия в развивающихся странах [21]. Социальный капитал характеризуют как условие для коллективных действий [51, 52], изучается его роль в преодолении барьеров к коллективным действиям среди бедных слоев населения [24]. Экологическая сфера также представляет собой область пересечения социального капитала и коллективных действий, тем более что данная проблема приобретает все более гло-

бальный характер [53]. Тематика коллективных действий широко представлена в психологической науке, изучающей самые различные их аспекты [54, 55].

Привлекает внимание исследователей возможность создания и укрепления социального капитала через коллективные действия в области здравоохранения. Примером может служить анализ ситуации с распространением ВИЧ-инфекции [56].

Ученые отмечают продуктивность соединения двух концепций для исследования политической сферы жизни общества. Политологи рассматривают коллективные действия прежде всего в связи с вопросами функционирования гражданского общества. Идет поиск новых форматов коллективных действий в политической сфере в условиях глобализации и урбанизации [57].

Концепция социального капитала сегодня активно используются в изучении различных сторон жизни российского общества. Отечественные исследователи социального капитала Л. Полищук и Р. Меняшев дают обстоятельный анализ данного феномена и его влияния на экономическое развитие [58]. Исследуется его влияние на социальные отношения [59], формирование границ и сфер ответственности территориальных сообществ [60, 61], взаимодействие в сетевых структурах [62, 63] и т.д. Ученые уделяют немало внимания и изучению различных форм коллективных действий [64, 65].

Но при этом явно недооценены объяснительные возможности концепции в анализе практик коллективных действий в российских условиях. Одна из немногих публикаций российских исследователей представляет собой попытку сравнить имеющийся западноевропейский и российский опыт коллективных действий и увязать его с социальным капиталом, показать влияние исторического и культурного контекста [66]. Статья представляет собой попытку осмысления исторического опыта коллективных действий, возникшего в различном культурно-историческом контексте, и не содержит исследовательских данных, позволяющих судить о взаимовлиянии коллективных действий и социального капитала в современных условиях.

Выводы

Исследование коллективных действий во взаимосвязи с социальным капиталом их участников представляется полем, требующим самого пристального внимания. Исследовательские задачи, которые встают перед учеными в данном контексте, могут охватывать целый ряд направлений.

Во-первых, наблюдается изменение собственно субъектов коллективных действий. Проявляется это в целом ряде фактов. Изменяется социальная база движений. На смену рабочему классу, функционирующему в производственной сфере, во многих случаях приходит «новый», средний класс, существующий в непромышленной сфере. Активистами становятся такие слои и группы, которые занимают специфическое место в социальной структуре общества (студенты, пенсионеры, представители профессиональных сообществ). Возникновение онлайн-организаций, действующих вне формальных процедур, отсутствие в них «членства» ведет к тому, что они становятся порой весьма размытыми по своим границам. Далеко не всегда возможно выявление субъекта как такового в силу фактического отсутствия заинтересованной группы.

Во-вторых, происходят изменения целей социальных движений, выступающих субъектами коллективных действий. В фокусе их интересов все чаще оказываются вопросы идентичности, автономии, солидарности и т.п., причем основанием их формулирования становятся объективные научные данные (экологические движения).

В-третьих, необходимо изучение коллективных действий в различных сферах жизнедеятельности (трудовой, общественной, культурной, политической, экологической и т.д.) и факторов, влияющих на их возникновение и определяющих вектор развития, а также наличия барьеров при вовлечении в действия, в их координации и достижении результатов.

В-четвертых, расширяется и видоизменяется репертуар коллективных действий. Традиционные формы публичных действий дополняются новыми, возникающими благодаря возможностям, предоставляемым виртуальными каналами взаимодействия. Во многом это связано с ослаблением использования жестких организационных форм взаимодействия, основанных на иерархии отношений, с заменой их более гибкими, ориентированными на горизонтальные связи.

В-пятых, предстоит выяснить, как взаимосвязаны коллективные действия и социальный капитал их субъектов, какое влияние они оказывают на формирование социального капитала и как тот, в свою очередь, способствует повышению их результативности и преодолению барьеров, препятствующих их функционированию.

Учитывая тот факт, что коллективные действия присущи любой сфере человеческой жизнедеятельности, можно утверждать, что именно концепция социального капитала позволяет осуществить комплексный междисциплинарный подход к исследованию самых актуальных проблем, возникающих в сетях человеческих отношений в границах повседневного взаимодействия.

Литература

1. Tilly C. From Mobilization to Revolution. MA: Addison, 1978. 349 p.
2. Medina L.F. A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2007. 271 p.
3. Earl J., Kimport, K. Digitally Enabled Social Change. Cambridge and London : The MIT Press, 2011. 257 p.
4. Афанасьев Д.В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4(40). С. 88–108.
5. Putnam R. Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 1995, no. 21 (3), pp. 295–307.
6. Putnam R. *Bowling Alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p.

- 7 Granovetter V.S. The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380.
- 8 Pichler F., Wallace C. Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe. *European Sociological Review*, 2007, vol. 23, no. 4, pp. 423–435.
- 9 Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: www.ecsoc.msses.ru (дата обращения: 12.07.2019).
- 10 Lin N. Social Capital: a theory of social structure and action. Cambridge, 2001. 270 p.
- 11 Coleman J. The Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP, 1993.
- 12 Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, 1988–89, vol. 94, pp. 95–120.
- 13 Panebianco S. The impact of social capital on regional economic development. *ACSP-AESOP Congress*. Germany: Universität Kassel, 2013, pp. 8–12.
- 14 Blume L., Sack D. Patterns of social capital in West German regions. *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15, pp. 229–248.
- 15 Callois J.M., Schmitt B. The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas. *Review of Agricultural and Environmental Studies*, 2009, no. 90 (3), pp. 257–286.
- 16 Dzialek J. Is social capital useful for explaining economic development in polish regions? *Geografiska Annaler: Series B. Human Geograph*, 2014, vol. 96, no. 2, pp. 177–193.
- 17 Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112.4, pp. 1251–1288.
- 18 La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Schleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations. *American Economic Review*. 1997, vol. 87, pp. 333–338.
- 19 Jones B.J. Social Capital in American life, 2017. 147 p.
- 20 Hall P. Social Capital in Britain. *British Journal of Political Science*, 1999, June, 29(03), pp. 417–461.
- 21 Ding W., Jimoh S.O., Hou Y., Hou X., Zhang W. Influence of livelihood capitals on livelihood strategies of herdsmen in inner Mongolia, China. *Sustainability (Switzerland)*, 2018, vol. 10 (9), pp. 1–17.
- 22 Czaller L. Increasing social returns to human capital: evidence from Hungarian regions *Regional Studies*, 2017. vol. 51(3), pp. 467–477.
- 23 Di Caro P. Testing and explaining economic resilience with an application to Italian regions. *Papers in Regional Science*, 2017, vol. 96 (1), pp. 93–113.
- 24 Petzold, J. Social adaptability in ecotones: Sea-level rise and climate change adaptation in flushing and the isles of scilly, UK(2018). *Island Studies Journal*, 2018, no. 13 (1), pp. 101–118.
- 25 Moore S., Daniel M., Paquet C., Dube L., Gauvin L. Association of individual network social capital with abdominal adiposity, overweight and obesity. *Journal of Public Health*, vol. 31, no. 1, pp. 175–183.
- 26 Penning J.M., Lee K. Social Capital of Organization: Conceptualization, Level of Analysis, and Performance Implication. Ed. by R.ThAJ. Leenders. S.M. Gabbay. USA: Kluwer Academic Publishers, 1998. Pp. 1–49.
- 27 Leenders R.ThAJ., Gabbay S.M., Fiegenbaum A. Corporate Social Capital and the Strategic Management Paradigm: A Contingency View on Organizational Performance. Research Report, University of Groningen, Research Institute SOM. Groningen, 2001. P. 1–38.
- 28 Loury G. A dynamic theory of racial income differences. Discussion Papers 255. Northwestern University, 1976. 95 p.
- 29 Фукуяма Ф. Великий разрыв: пер. с англ. / под общ. ред. А.В. Александровой. М.: Издательство АСТ: Ермак, 2004. 474 с.
- 30 Fafchamps M., Minten B. Property rights in flea market economy. *Economic development and cultural change*, 2001, vol. 49, no. 2, pp. 229–267.
- 31 Bowles S., Gintis H. Social Capital and Community Governance. *Economic Journal*, 2002, vol. 112 (483), pp. 419–436.
- 32 Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112.4, pp. 1251–1288.

33. Dasgupta P., Serageldin I. Social capital: a multifaceted perspective. Washington, DC: World Bank, 2000.
34. Fedderke J.W., De Kadt R.H.J., Luiz J. Economic Growth and Social Capital // *Theory and Society*. 1999. № 28. P. 709-745.
35. Wilson W.J. *The Truly Disadvantaged: the Inner City, the Underclass and Public Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 320 p.
36. Putnam, R.D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* / R.D. Putnam, R. Leonardi, R.Y. Nanetti. Princeton: Princeton University Press, 1993.
37. Ostrom, E. Social capital: Fad or a fundamental concept? In: Dasgupta, P., Serageldin, I. (Eds.), *Social Capital, a Multifaceted Perspective*. The World Bank, Washington, DC, 2000. 176 p.
38. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 175 p.
39. Ostrom E. *Collective Action Theory*. *Oxford Handbook of Comparative Politics*, 2009. P. 186–208.
40. Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. New York: Cambridge University Press, 1990. 280 p.
41. Opp K-D. Collective identity, rationality and collective political action. *Rationality and Society*, 2012, no. 24 (1), pp. 73–105.
42. Jenkins R. *Social Identity*. Abingdon: Routledge, 2004. 256 p.
43. Ranciere J. *Disagreement: Politics and Philosophy*, translated by J. Rose. Minneapolis, MN.: University of Minnesota Press, 1999. 168 p.
44. Fishbein M., Ajzen I. *Belief, attitude, intention and behaviour*. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. 578 p.
45. McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory. *American Journal of Sociology*, 1977, vol. 82, pp.1212–1241.
46. Wahlstrom M., Wennerhag M. Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations. *International Sociology*. 2014, vol. 29 (6), pp. 565–583.
47. Ido A. The effect of social capital on collective action in community forest management in Cambodia. *International Journal of the Commons*, 2019, no. 13 (1), pp. 777–803.
48. Jicha K., Thompson G., Fulkerson G., May J. Individual Participation in Collective Action in the Context of a Caribbean Island State: Testing the Effects of Multiple Dimensions of Social Capital. *Rural Sociology*, 2011, no. 76 (2), pp. 229–256.
49. Van Laerhoven F. Governing Community Forests and the Challenge of Solving Two-level Collective Action Dilemmas – A Large-N Perspective. *Global Environmental Change* 20, 2010. Pp. 539–546.
50. Di Caro P. Testing and explaining economic resilience with an application to Italian regions. *Papers in Regional Science*, 2017, no. 96 (1), pp. 93–113.
51. Ramos-Pinto P. Social Capital as a Capacity for Collective Action. *Assessing Social Capital: Concept, Policy and Practice*. Cambridge Scholars Publishing in association with GSE Research, 2012. Pp. 53–69.
52. Young-Yong K. Effects of Social Capital on Collective Action for Community Development. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 2018, vol. 46, no. 6, pp. 1011–1028.
53. Adger N.W. Social capital? Collective action and adaptation to climate change. *Economic Geography*, 2003, vol.79, no. 4, pp. 387–404.
54. Simon B., Klandermans B. Politicized collective identity: a social psychological analysis. *American Psychologist*, 2001, vol. 56, pp. 319–331.
55. Duncan L.E. The psychology of collective action / *The Oxford handbook of personality and social psychology*. Eds K. Deaux, M. Snyder. N.Y., 2012. Pp. 781–803.
56. Gibbs A., Campbell C., Akintola, O., Colvin C. Social contexts and building social capital for collective action: Three case studies of volunteers in the context of HIV and AIDS in South Africa. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2014, vol. 25 (2), pp. 110–122.
57. Boixi C. and Posner D. Social Capital: Explaining Its Origins and Effects on Government Performance. *British Journal of Political Science*, 1998, vol. 28, issue 04, pp. 686–694.
58. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // *Вопросы экономики*. 2011. № 12. С. 46–65.

59. Немировский, В.Г., Немировская А.В. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края: монография / Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2011. 159 с.
60. Габидинова Г.С. Содержание и структура социального капитала территории // Экономический журнал. 2013. № 3. С. 118–125.
61. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 37–51.
62. Рзаева С.В., Решетникова С.А. Социальная сеть как основа социального капитала: содержание и подходы к изучению // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2014. № 1 (8). С. 113–122.
63. Колпина Л.В., Вангородская С.А. Барьеры формирования социального капитала сетей общения в региональном сообществе (по материалам фокус-групп) // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 60–70.
64. Соколов А. В. Коллективные действия: подходы к пониманию и особенности организации (библиографический обзор зарубежной литературы) // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 113–122.
65. Селезнев П.А. Протестные движения в современной России // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 334–338.
66. Буданов М.А. Влияние социального капитала на эффективность коллективного действия: традиции и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 21: Управление (государство и общество). 2005. № 4. С. 111–125.

Сведения об авторе

Татьяна Анатольевна Гужавина — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Guzhavina T.A.

Collective Actions and Social Capital: Implication of Concepts

Abstract. Collective actions are the basis of social interaction. Collective action is defined as the system of organized individuals, who are included in groups, which have a certain degree of organization. The peculiarity of collective activities is the fact that almost all people are involved in them, in one form or another. One of the first sociologists, who started the study of collective activities, was M. Weber. It was him who designated a collective action as a social one. While studying consumer behavior, economists also paid attention to collective activities of people (E. Ostrom). The result was the emergence of the social action concept in Sociology and the theory of collective action in Economics. Later, the number of researchers and studied problems in the context of a collective action expanded. Economists and sociologists were joined by psychologists, political scientists, anthropologists, biologists, and others. The theory of collective action allows us to explain a wide range of social life phenomena. This concept is closely related to the theory of social capital, which emerged at the intersection of economic and social sciences. Social capital is a factor that determines the intensity, effectiveness, and mass scale of collective actions. However, social capital itself is formed under the influence of collective actions. In foreign science, the problems of collective action and social capital are considered interrelated. In domestic social science, it is yet to be achieved. The theory of social capital has the umbrella effect, which allows searching for opportunities of theoretical and methodological integration of social capital components and forms of collective actions. The purpose of this article is to show, on the basis of the overview of the main research areas of social capital and collective actions in scientific literature, the most promising points of their contact for studying social reality in Russia. It includes the research of subjects of collective actions,

transformation of their goals, the enrichment of the repertoire due to the emergence of new practices and the usage of virtual space. The important aspect is the environment for the implementation of collective actions, which forms their target orientation. The implication of concepts of social capital and collective action should allow us to identify aspects of mutual influence between them.

Key words: collective actions, subjects of collective actions, repertoire of collective actions, social capital, types of social capital, social reality.

Information about the Authors

Tat'yana Anatol'evna Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, The Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Статья поступила 09.01.2020.